

Если вечером спектакль

Имя народного артиста РСФСР А. А. Миронова, популярного актера театра и кино, хорошо знакомо всем советским зрителям. Мы попросили его поделиться с читателями «Московской правды» своими мыслями об актерском труде.

— Андрей Александрович, почти одновременно вас увидели зрители в новых ролях в кино, на телевидении и в театре...

— Это телефильмы «Фантазии Фарятьева» и «Назначение». Кинокомедия «Будьте моим мужем». Мужа играю я. В театре поставил спектакль «Бешеные деньги» А. Н. Островского, где сыграл главную роль — Василькова. В характере этого человека виден тип дельца новой формации, «делового человека». Очень жизненный тип людей: сильных, достаточно циничных, достаточно бездуховных, но в высшей степени энергичных, волевых, обладающих очень сильными профессиональными навыками. Фигура страшная в нравственном проявлении, в своих принципах. И это не сатирический персонаж. Ибо его сущность скрыта, замаскирована, может быть, бессознательно замаскирована.

— Это не первая ваша режиссерская работа. Вместе с Александром Ширвиндтом вы поставили «Маленькие комедии большого дома». Затем «Феномены» по пьесе Григория Горина. Многие актеры стремятся заниматься режиссурой. Как вы относитесь к этому?

— На мой взгляд, это дополнительная потребность в охвате общей идеи произведения. История театра дает немало аргументов в дискуссии, которая ведется в последнее время в основном между режиссерами, актерами и критикой. И вот какие эти аргументы. Большое количество людей, первоначально игравших на сцене, потом стали известнейшими театральными режиссерами. Мне кажется, вне актерской практики вряд ли можно стать режиссером. Бывают, правда, исключения. И все-таки трудно режиссеру пройти мимо школы актерства, сочинения своей собственной роли, выстраивания ее конструкции. Ведь это тоже режиссура, только внутренняя. Режиссер же выступает как имеющий план целого спектакля корректор актерского поведения на сцене. В нашей профессии есть такие вещи, которые подсказать иногда не может подсказывать. Они выстраиваются самим артистом, а задача режиссера — подчинить актерские усилия общей идее.

Мне самому интересно воплотить ощущение целого спектакля, выразить собственное понимание пьесы. И я хочу через артистов выразить проблему в целом, если она действительно меня волнует. Пока у меня, правда, очень незначительный опыт.

— Понимать ли ваши слова в том смысле, что наиболее полно актер раскрывается только тогда, когда он одновременно является и постановщиком спектакля или фильма?

— Нет, это совсем не так. И в роли актер может сказать залу все, что его волнует. Может быть, у кого-то возникнет недоуветворенность режиссурой. Но о себе я сказать этого не могу. Мне посчастливилось: двадцать лет я работаю с замечательным режиссером Валентином Плучком. Это человек, который, можно сказать, взрастил меня. В разное время я встречался и с такими режиссерами, как Шатрин, Захаров, Хейфец.

— Вы известный киноактер. Как соотносите вы кино и театр?

— Все, чему я научился в театре, я приношу в кино. В отличие от театра кинематограф все-таки скорее использует актеров, чем воспитывает их. При составлении съемочной группы кинематограф обладает практически неограниченным «рынком актеров». Театр же воспитывает, возвращает индивидуальности. Хотя нельзя не отметить, что кинематограф все же немало дает сегодняшнему актеру: особая мера доверительности, сдержанность эмоций и углубление выразительных средств, максимальное приближение к естественной жизни — все это полезно и необходимо в театральной работе. Поэтому, мне кажется, искусство театра и кино взаимно дополняют друг друга.

— А как отражается на жизни актера в театре его популярность в кино?

— По-разному складываются судьбы. Я знаю актеров (и весьма уважаю их), которые отказываются от кинематографических предложений из-за своей преданности сцене. Некоторые те-

атральные актеры не снимаются из-за сложности, непоследовательности, дробности процесса съемки, из-за суесть на съемочной площадке, из-за невозможности сосредоточиться, проникнуться необходимым самочувствием. Думаю, что та известность, которую приобретает театральный актер, снимаясь в кино, дает ему прежде всего свободу контактов со зрителем.

Мне приходится довольно много ездить, и зачастую я бываю там, где не гастролировал Театр сатиры, но там шли картины, в которых снимались артисты нашего театра. И вот этот выдаваемый зрителем аванс доверия очень важен, он требует от актера ответственности. Потому что если к людям нашей профессии относятся с уважением, если встречи с нами ждут, то мы не вправе разочаровывать зрителей. Театр и прекрасен именно тем, что человек в зале определенным образом настраивает себя на встречу со спектаклем, с актерами. К сожалению, кино и телевидение, я думаю, не обладают этим эффектом.

— Наш разговор затронул телевидение. Как вы к нему относитесь?

— В данном случае важно не то, как я к нему отношусь... Телевидение прежде всего берет человека неожиданно, дома, неподготовленным, в совершенно произвольном круге размышлений. Телевидение проникает в дом, даже становится членом семьи.

— Многие спектакли с вашим участием, например «Маленькие комедии большого дома», «Женитьба Фигаро», «У вояки в плену», были сняты телевидением. Как вы в принципе относитесь к переносу театральных спектаклей на ТВ? И сразу же еще один вопрос: именно последние телевизионные работы выводят вас из привычного амплуа комедийного актера. На ТВ вы играли роли серьезные и трагедийные, с чем это связано?

— Мне кажется, что съемки спектакля для телевидения лишают зрителя самого главного — ощущения атмосферы зала. А оно необходимо. Другое дело, что снимать в зале сложно. И все-таки спектакль, снятый в студии, уступает спектаклю, снятому в театре, «с дыханием зрительного зала». Что же касается второго вашего вопроса, то если вы назовете меня комиком, я несколько не обижусь. Комедию могут играть не все. Но тем не менее я считаю, что актер должен расширять рамки представлений о своих возможностях, стремиться вырваться из привычного круга ролей.

— Ваша работа в кино, на телевидении, на радио происходит в течение дня накануне спектакля?

— Нет, для меня невозможно днем, между утренней репетицией и спектаклем, сниматься или записываться на радио. Это связано с тем, что во мне идет какая-то подсознательная настройка на будущий спектакль. Не то чтобы я каждую секунду думал о Хлестакове или о сегодняшнем Мекхите, но некий процесс, видимо, происходит... Ну, а если вечером спектакля нет, то вторая половина дня — это или концерт, или съемка, или озвучивание.

— Вы являетесь представителем второго поколения актерской династии. Третье тоже будет актерским?

— Мои родители не хотели, чтобы я был артистом. Более того, они не были в курсе того, что я собираюсь поступать в театральный училище. Что касается моих детей, то я хочу, чтобы они подольше оставались детьми.

Г. МАЙЗУС,
Ю. КАМЕНЕЦКИЙ.

Фото М. Климова.